

УДК 821.161.1.09
ББК 84(2Рос=Рус)
Б95

Издание осуществлено в партнерстве с Лекторием «Прямая речь»

Редактор-составитель *Галина Беляева*

Художественное оформление *Владимира Мачинского*

В основу книги легли стенограммы лекций Дмитрия Быкова, созданных специально для Лектория «Прямая речь». «Редакция Елены Шубиной» выражает благодарность Лектории за предоставленные материалы

Быков, Дмитрий Львович.

Б95 Советская литература : мифы и соблазны / Дмитрий Быков. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 635, [5] с. — (Прямая речь).

ISBN 978-5-17-119604-2

В Лектории «Прямая речь» каждый день выступают выдающиеся ученые, писатели, актеры и популяризаторы науки. Их оценки и мнения часто не совпадают с устоявшейся точкой зрения — идеи, мысли и открытия рождаются прямо на глазах слушателей.

Вот уже десять лет визитная карточка «Прямой речи» — лекции Дмитрия Быкова по литературе. Быков приучает обращаться к знакомым текстам за советом и утешением, искать и находить в них ответы на вызовы нового дня. Его лекции — всегда события. Теперь они есть и в формате книги.

«Советская литература: мифы и соблазны» — вторая книга лекций Дмитрия Быкова. Михаил Булгаков, Борис Пастернак, Марина Цветаева, Александр Блок, Даниил Хармс, Булат Окуджава, Иосиф Бродский, Сергей Довлатов, Виктор Пелевин, Борис Гребенщиков, русская энергетическая поэзия...

УДК 821.161.1.09
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-17-119604-2

© Лекторий «Прямая речь»
© ООО «Издательство АСТ»

Содержание

.....

ПРОЗА

Анатолий Луначарский

Последний нарком 11

Павел Бажов

Сказ о том, как Бажов изобрел Урал..... 25

Александр Грин

Крым и Грин..... 37

Даниил Хармс

Русский Кафка..... 46

Корней Чуковский

Лектор, проповедник, пионер..... 67

Михаил Булгаков

«Собачье сердце» 83

Илья Ильф и Евгений Петров

Ильф и Петров и... Воланд..... 95

Евгений Шварц

Тайна Дракона 107

Борис Пастернак	
Доктор Живаго великорусского языка	119
Виктор Драгунский	
«Денискины рассказы»	140
Геннадий Шпаликов	
Недолгая счастливая жизнь	151
Аркадий и Борис Стругацкие	
«Пикник на обочине»: вся правда об СССР	172
Михаил Успенский	
Русское чудо	184
Василий Аксенов	
Полуостров Крым	200
Сергей Довлатов	
Конец мифа	210
Венедикт Ерофеев	
«Москва — Петушки»: новая русская одиссея ...	222
Юлиан Семенов	
Вся правда о Штирлице	236
Виктор Пелевин	
Путь вниз	252

ПОЭЗИЯ

Александр Блок

Куда идут двенадцать 271

Анна Ахматова

«И я сказала: — Могу...»..... 287

Осип Мандельштам

Стихи о неизвестном солдате 305

Владимир Маяковский

Зачем нам Маяковский 320

Про что «Про это»? 346

Сергей Есенин

Трезвый Есенин 363

Марина Цветаева

Концентрация смыслов 390

Александр Вертинский

«Как поет под ногами земля!»..... 412

Самуил Маршак

Маршак Советского Союза..... 431

Александр Твардовский

Теркин в XXI веке..... 447

Арсений Тарковский	
«Я беженец, я никому не нужен...»	466
Забывтая война. Военные поэты	487
Иосиф Бродский и Евгений Евтушенко	
«Если Бродский против, я — за»	513
Булат Окуджава	
Феномен Окуджавы: народная песня	536
Владимир Высоцкий	
Сорок лет спустя	562
Борис Гребенщиков	
Навигатор или истребитель?	583
Русская энергетическая поэзия	599
Указатель имен	615
Краткий указатель произведений, упомянутых в книге	626

ПРОЗА

Анатолий Луначарский

.....

Последний нарком

Анатолий Васильевич Луначарский — далеко не самый популярный деятель русской литературы. Именно литературы — потому что, на мой взгляд, это последний человек в русской истории, который заслуживал звания «нарком просвещения». Все остальные занимали эту должность скорее по праву бюрократическому, нежели по эстетическому.

В российской культуре сложились три образа Луначарского. Он, кстати, довольно расхожий персонаж художественной литературы: начиная с Ходасевича, который в своих сильно беллетризованных мемуарах «Белый коридор» создал абсолютно гротескный и издевательский образ Луначарского. И Луначарский, который читает вслух перевод чужой драмы — «Быстро, быстро мчится время в мастерской часовщика» — и при этом жестоко жеманится, у Мережковского выглядит полным идиотом.

Один из образов Луначарского, установившийся в зарубежной мемуаристике, а отчасти и в российской традиции, идущий, как ни странно, от Горького, — шут при большевиках, хотя Горький относился к нему довольно уважительно. Мемуары Горького о Ленине (и в первой редакции 1924 года, и во второй — 1930-го) преследовали одну совершенно ясную

цель: присвоить себе право ближайшего и любимого собеседника Ленина и от лица покойного божества раздавать всем оценки. Так, в частности, образ Ленина обогатился отрицательным отзывом о Маяковском, резко отрицательным отзывом о Троцком: знаменитая фраза «С нами, а — не наш», снабженная большим количеством горьковских тире, я думаю, выдумана Горьким с первого и до последнего знака. Ну и Луначарскому он пытался помочь, сказав от лица Ленина, что можно многое Луначарскому простить, потому что это:

На редкость богато одарённая натура. <...> Я его, знаете, люблю, отличный товарищ! Есть в нем какой-то французский блеск. Легкомыслие у него тоже французское, легкомыслие — от эстетизма у него*.

Трудно представить себе Ленина, говорящего что-то подобное, но эта фраза послужила хотя бы запоздалой реабилитацией наркома, который к тому времени занимал уже скромную должность главы ученого совета при Академии наук.

Луначарский запомнился большинству современников как самый безобидный из представителей большевизма, да и к большевизму он примкнул, по мнению Марка Алданова, только потому, что по слабости своей почувствовал в большевизме силу, а в Ленина был влюблен как девушка. Вот этот Луначарский как-то и прижился: образ умного, говорящего часами на любую тему балабола был по-своему притягателен, потому что в большевиках так мало безобидного, так мало милого, что этот хомяковатый, комиковатый персонаж как бы служит им посильным оправданием. Служит какой-то небольшой человечинкой в их железном ряду.

* Большинство цитат в своих лекциях Дмитрий Быков приводит по памяти, акцентируя важные с его точки зрения моменты высказывания. — *Примеч. ред.*

Я уже не говорю о том, что многие фразы Луначарского, многие его остроты бывали действительно удачны. Например, во время пресловутых диспутов с обновленцем митрополитом Введенским, когда Введенский, устав от долгого спора о материализме — идеализме, воскликнул:

— Хорошо, давайте считать, что вы произошли от обезьяны, а я произошел от Бога!

Луначарский мгновенно парировал:

— Увидев меня и обезьяну, каждый скажет: «Какой прогресс!», а увидев вас и Бога — «Какой регресс!».

И точно так же все помнят как на чрезвычайно пошлую эпиграмму Демьяна Бедного:

Цена в искусстве рублики,
Нарком наш видит цель:
Дарить лохмотья публике,
А бархат — Розенель. —

Луначарский ответил:

Демьян, ты мнишь себя уже
Почти советским Беранже.
Ты точно «Б», ты точно «Ж»,
Но все же ты не Беранже.

Вторая версия менее безобидна и в этом смысле более уважительна, но и более враждебна: Луначарский оценивается как явление масштабное, но при этом на каждом шагу предающее культуру и лгущее. Корней Чуковский, с его железным пером, с его репутацией белого волка в литературе, с его умением подмечать во всех людях ложь и фальшь, вложил в создание этой репутации, пожалуй, самый большой, самый краеугольный кирпич. Корней Иванович пишет в своем дневнике:

14 февраля 1918

У Луначарского. Я выдаюсь с ним чуть не ежедневно. Меня спрашивают, отчего я не выпрошу у него того-то или того-то. Я отвечаю: жалко эксплуатировать такого благодушного ребенка. Он лоснится от самодовольства. Услужить кому-нб., сделать одолжение — для него ничего приятнее! Он мерещится себе как некое всеисильное благодное существо — источающее на всех благодать:

— Пожалуйста, не угодно ли, будьте любезны, — и пишет рекомендательные письма ко всем, к кому угодно, — и на каждом лихо подмахивает: Луначарский.

Страшно любит свою подпись, так и тянется к бумаге, как бы подписать. Живет он в доме Армии и Флота... <...> На двери бумага (роскошная, английская): «Здесь приема нет. Прием тогда-то от такого-то часа в Зимнем Дворце, тогда-то в Министерстве Просвещения и т.д.». Но публика на бумажку никакого внимания — так и прет к нему в двери. <...> И тут же бегают его сынок Тотоша, избалованный хорошенький крикун, который — ни слова по-русски, все по-французски, и министриабельно-простая мадам Луначарская — все это хаотично, добродушно, наивно, как в водевиле.

Вот это описание наркома-администратора, наркома-бюрократа уже далеко не столь безобидная характеристика. Она подчеркивает в Луначарском прежде всего его колоссальное тщеславие.

Варлам Шаламов, вспоминая Луначарского, написал о нем, пожалуй, одобрительнее всего, и мы понимаем почему: для Шаламова любой человек, который как-то разукрашивает серую холщовую ткань бытия (физический труд, наказания, страх, чудовищную человеческую природу), любой человек, который набрасывает на это какую-то позолоту, уже заслуживает оправдания, заслуживает снисхождения.

На партийной чистке (1927 год. — Д.Б.), — вспоминает Шаламов, — зал был переполнен в день, когда проходил чистку Луначарский. <...> Часа три рассказывал Луначарский о себе, и все слушали затаив дыхание — так все это было интересно, поучительно.

Вот это очень тонкое наблюдение, потому что обычно слушать человека, говорящего о себе, так же нудно, как выслушивать чужие сны или чужие глюки. Луначарского забрасывали вопросами о впередовстве, о кратком периоде его примиренчества со всеми и страстном желании помирить большевиков с меньшевиками, о богостроительстве, о партийной школе. И все это он рассказывал с упоением и с увлечением, и слушать его было наслаждением, потому что он так каялся в своих ошибках, что становилась понятна их неизбежность, их неотразимость. И даже знаменитую историю с задержкой поезда, которую так подло высмеял Маяковский, он тоже излагал мило и весело, и сразу хотелось его полюбить.

История эта касалась того, что якобы Луначарский, отправляясь на курорт, задержал на десять минут поезд на вокзале, но, разумеется, никто ничего не задерживал, а просто подобострастный начальник станции, видя, что опаздывает Розенель, жена Луначарского, на три минуты действительно отложил отправление поезда. Потом это попало в пьесу «Баня», и Луначарский мило и весело отбрехался от всего.

Естественно, образ любующегося собой бюрократа от культуры менее притягателен, и у Луначарского сложилась репутация своего рода соглашателя между большевиками и миром искусства. Троцкий, который оплатил Луначарскому звонкой монетой в своем очерке о нем, говорил: Луначарский сумел привлечь к большевизму огромное количество старой профессуры. Он читал лекции на восьми современных и двух древних языках, причем никогда не путал их, что, в общем, для большевистского оратора — редкость. Он читал все и слышал обо всем. Он знал наизусть колоссальное количество стихов,